

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. А. В. Белов

г. Москва, Россия

**У ИСТОКОВ СОЗДАНИЯ
СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В МОСКВЕ
В ПРАВЛЕНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II:
ЧАСТНЫЕ И КАЗЕННЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ**

Аннотация: Во второй половине XVIII в. правительство Екатерины II проводило реформу преобразования города. В ходе нее город приобретал новые черты, дающие ему возможность исполнять свои функции. Одной из главных частей этого проекта было создание в городах системы народного образования, которая оценивалась как обязательная часть городской инфраструктуры. Ее реализация была возложена на местные органы власти, в первую очередь на генерал-губернатора. Они опирались как на местные органы самоуправления, купеческую корпорацию, так и на помощь государства. Наибольшую проблему реализации этой задачи представляла Москва — большой и густонаселенный город. Создание системы образования здесь постоянно тормозилось. Это вызвало недовольство императрицы Екатерины II, которая потребовала объяснить происходящее. Благодаря сохранившейся в архиве переписке можно увидеть процесс становления системы образования в городе на ранних этапах реформы. Приведенная инспекция показала общее состояние органов просвещения, в том числе частных учебных заведений, которые составили реальную конкуренцию «казенным» школам. Отчеты содержат подробную информацию об учебных программах, о состоянии инфраструктуры и поисках источников финансирования реформы образования. Одной из главных проблем, мешавших распространению школ, было отсутствие достаточного количества зданий, причем зданий, пригодных для размещения учеников. Материалы переписки дают представление о методах, с помощью которых власти решали задачи учреждения школ, источников финансирования, а также о числе учащихся в городе Москве и наличии школ в городах Московской губернии.

Ключевые слова: просвещение, народное образование, русский город, Екатерина II, школы, пансионы, гимназии, реформа города, городская культура.

Информация об авторе: Алексей Викторович Белов — кандидат исторических наук, доцент, Институт российской истории Российской академии наук, ул. Д. Ульянова, д. 19, 117136 г. Москва, Россия. E-mail: belovavhist@mail.ru

Дата поступления статьи: 08.02.2018

Дата публикации: 28.03.2019

Для цитирования: Белов А. В. У истоков создания системы народного просвещения в Москве в правление Екатерины II: частные и казенные учебные заведения // Вестник славянских культур. 2019. Т. 51. С. 25–35.

Планы преобразований и положение дел к 1785 г.

Требования реформы города, выраженные в указе об учреждении Приказа общественного призрения, ставили задачу создания по городам школ. Причем это должны были стать не отдельные случайные учебные заведения, а полноценная образовательная сеть, работающая по общим программам и охватывающая все уезды страны.

Однако, несмотря на высочайшее распоряжение, даже Москва не могла похвастаться благоустройством подобной образовательной системы. По признанию самих сановников, в 1786 г. в «первопрестольной» работало всего три школы. Причем и они, выражаясь словами самого отчета, были «имеющие токмо сию название и в домах самых мизерных»¹.

Судьба казенных школ в Москве в 1785 г. была не вполне ясна даже для высших администраторов. По их поводу велась переписка, однако речь в ней, скорее всего, шла пока только об устройении и финансировании. Например: «Школы же городские уже по всемилостивейшему пожалованию городам суммы, отойдут от содержания Приказа общественного призрения». Таким образом, в сентябре 1785 г. работа по «назначению» государственных школ по частям города Москвы еще только велась. Лишь в январе следующего 1786 г. ожидалось поступление средств. Этим (подготовкой к открытию и вопросами будущего финансирования) наверняка и было вызвано распоряжение императрицы предоставить отчеты о положении дел. На местах не были получены даже инструкции по предоставлению требуемых документов.

В уездных городах народные школы открылись, согласно рапорту главнокомандующего Я. А. Брюса, «при самом начале» 1786 г., что произошло благодаря «особо выделенной» лично императрицей суммы в 300 руб. «на каждый город». Скорее всего, на 28 января 1786 г. уездные школы не работали, или делалось это не в полном объеме и не везде. Дело в том, что в этот момент оказалось, что данные учебные заведения «учителями <...> для обучения грамоты не снабжены». На их место попытались привлечь священников, полагая, что те будут работать бесплатно, так как в распоряжении Управы благочиния не просто не было свободных средств, но и, можно сказать, ее бюджет находился в сильном дефиците².

Частные учебные заведения Москвы

Несмотря на отсутствие системы государственных школ (а также, по-видимому, благодаря этому), в городах Московской губернии активно работали негосударственные пансионы и школы. Некоторые из них существовали уже достаточно давно.

7 октября 1785 г. Екатерина II велела провести главнокомандующему в Москве «осмотр здесь находящихся училищ». Имелись в виду частные «школы» и «пансионы», учрежденные «назначенными к тому особами». Требовалось выяснить состояние заведений («пансионов, школ и училищ») и оценить «образ учения в них» [2, с. 464–465]. Все владельцы были обязаны предоставить аттестат о своей «порядочной жизни» от посещаемой ими церкви. Таким образом, церковная община не только рекомендовала подателя с лучшей стороны, но и брала на себя ответственность за его негативные поступки.

Особое внимание (помимо прочего) придавалось преподаванию «Закона Божьего», что требовалось для всех вероисповеданий без ущемления норм каждого из них: «по точности догматов православной нашей веры, а для иноверных по их исповедани-

¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 576. Л. 176.

² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 576. Л. 273.

ям», — как писала сама императрица. Кроме того, важной частью акции была постановка всех частных учебных заведений под полный контроль Приказа общественного призрения, которому вменялся этот круг вопросов [2, с. 465].

В конце октября – начале ноября 1785 г. приступила к работе особая комиссия. В ее состав входили шесть человек. Два священнического звания: ректор Московской Академии и протоиерей Трехсвятительской церкви. Два профессора: Антон Барсов и Иоганн Матвей Шаден. И два чиновника: заседатель Иван Бантыш-Каменский и заседатель Семен Бабушкин. Члены комиссии не только фиксировали имеющееся положение дел в инспектируемых образовательных структурах, но и давали свою оценку их работе.

Всего в Москве в это время работало 11 учебных заведений: 8 «пенсионов» и 3 школы, которые охватывали пор меньшей мере 7 из 20 частей города: 2-ю, 3-ю, 5-ю, 6-ю, 9-ю, 10-ю и 16-ю. У одного из образовательных учреждений местоположение указано не было³.

«Пенсион 1 во 2-й части», как он фигурирует в материалах отчета, содержал француз и католик по вероисповеданию Франц фон Еинсен. Он же являлся единственным учителем. Заведение было открыто «по аттестату и дозволению Университета».

В пансионе обучались и проживали 25 «благородных детей», родители которых платили по 150 руб. в год.

В ходе инспекции проводились опросы, которые показали, что учащиеся «успехи в арифметике оказались довольные, в французском языке посредственные, в немецком еще все в началах». Но вот Закону Божию детей не учили вовсе: многие не знали даже десяти заповедей. Такое положение дел «содержатель пансиона» объяснил просто: «первое непредписанно было от начальства, второе родители сего не требовали». Впрочем, как отмечала комиссия, в заведении не были «примечено» никакого «суеверия, развращения и соблазна». Ф. фон Енисено было рекомендовано, как и всем прочим содержателям, «дабы исполняя высочайшее Е. И. В. богоугодное намерение <...> обучали детей божьему закону, приглашая на сие или священников ученых, или из московской академии учителей имеющих о учении и поведении аттестаты».

«Пенсион 2 в 3-й части» содержал католик француз Борденау. Завел он свое учреждение по аттестату, данному «от университета».

В пансионе обучался 21 ребенок, причем как «мужеска» (19 чел.), так и «женская пола» (3 чел.), «которые [мальчики и девочки] между собою разделены покаями особенными». Плата «за содержание и воспитание» составляла в год по 150 руб. с каждого подопечного.

Обучающий Закону Божьему учитель при проверке «оказался к тому не способным; потому и успехи» его подопечных были «малы». По прочим дисциплинам дети показали: «во французском посредственны; в немецком так же мало знают, кроме одного ученика довольно знающего немецкой и французской язык; так же история и география равно и в арифметике учащиеся посредственно». По оценкам комиссии «развращения, соблазна искушения» замечено не было.

Содержателю было высказано только одно замечание: «дабы учителя в закон [Божий] переменял».

«Пенсион 3 ... в части» не получил привязки к конкретному полицейскому району города Москвы. Его владельцем был также француз и католик де Форша.

³ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 576. Л. 167–170.

Свой пансион он устроил по «аттестату, данному от университета, которой 3-го года згорел».

В заведении находилось «детей мужеска пола 25», за содержание и обучение которых платили по 150 руб. в год.

Как показали проверочное испытание, «катехизису в сем пансионе не обучают, а потому некоторые учащиеся символа веры и заповедей Божьих не знают, в французском языке, в географии, и в истории успехов оказалось весьма мало, в немецком и русском ничего, а в арифметике и геометрии также мало». Впрочем, и здесь комиссия не приметила «соблазна, развращения, и суеверия».

Содержателю предписали, чтобы он «не принимал более учить как только первым началам в языках», а также нашел для этого дела других, более «искусных учителей».

«Пансион 4 в 6-й части» принадлежал немцу — крестьянину Горну, который устроил его по аттестату, данному от университета.

Всего в пансионе находились 23 ребенка (16 «мужеска» и 7 «женска» пола), в том числе 6 россиян. При этом «девицы» обучались в одном классе с мальчиками, что вызвало недовольство комиссии, предписавшей, чтобы дети обучались «раздельно». За содержание и обучение в пансионе Горна платили по 150 руб. в год.

Подопечные Горна имели «успехи довольные» в языках — французском и немецком. Наиболее хорошо показали себя в этом вопросе девочки. Правда, все они были «иноверные». Знаниям детей в других дисциплинах (географии, истории, латинском и русском языке) члены комиссии дали также высокую оценку, за исключением катехизиса. По этому предмету пансионеры «всех исповеданий отвечали хорошо», кроме российских. Все 6 человек, как признала комиссия, «закону своего не знают», а «учитель русского языка оказался к обучению детей неспособен», в связи с чем члены комиссии велели «отрешить» его от работы. Впрочем, «суеверия, развращения и соблазна» комиссия также не обнаружила.

«Пансион 5 в 9-й части» оказался незаконным. Его содержатель, француз-католик Дюбоф, умудрился открыться «без дозволения и [без] аттестату университетского».

Детей учили языкам (французскому и немецкому), истории, географии и русской грамматике. Но при проверке во всех этих предметах пансионеры показали себя «очень с малыми успехами», а «в арифметике посредственно». Закон Божий здесь не преподавался. Оплата составляла 150 и 180 руб.

Комиссия отметила целый ряд недопустимых нарушений. Помимо отсутствия разрешения и аттестата, еще было записано: «в доме нечистота», «закону не обучают», «воспитание не по всему порядочное», «успехов в учащихся мало», а также признано, что «содержание не соответствует получаемой с детей плате». В итоге, было принято решение «пансион уничтожить».

6-я по счету школа принадлежала штык юнкеру Ефиму Воитеховскому, который был единственным в ней учителем. Доказывая законность своих прав на преподавание детям, он представил «аттестат от генерал-поручика артиллерии Мертенса, которым засвидетельствовано, что из вышедших от него учеников 48 человек оказались все на экзаме действительно знающими артиллерию и 25 человек офицерами произведены».

Действительно, обучение у Е. Воитеховского велось с явно выраженной ориентацией на военное дело. Детей обучали «арифметике, геометрии с полевою практикою, тригонометрии, алгебре, артиллерийской науке, фортификации, и нивелированию с черчением иллюминированием планов». Во всех этих дисциплинах слушатели, как от-

метила комиссия, «очень похвальные успехи имеют». За обучение плата в год составляла 48 руб. Все дети приходили к Е. Войтеховскому домой, где и велось занятие. Постоянно проживающих у него на положении пенсионеров не было.

Комиссия особо одобрила «труды господина учителя», найдя его «достойным особенной рекомендации и похвалы».

«7-й пансион в 5-й части» содержал «бывший в университете профессор и конференции оннаго секретарь» господин Лангер, лютеранин по вероисповеданию. Учение проходило 15 человек.

Преподавались языки, причем не только французский и немецкий, но и латинский, а также история и география. Дети показали успехи «изрядные» во всех науках, включая, в том числе и Закон Божий, который вел специально приглашенный «ученый священник». Пансион профессора Лангера оказался единственным учебным заведением, из которого комиссия ушла удовлетворенной преподаванием данного предмета у русских детей.

Обучение и содержание стоило 150 руб. в год. За тех, кто приходил только на занятия, вносили по 75 руб.

Комиссия особо отметили, что «сей пансион во всех его частях изряден».

«Пансион 8 в 10-й части» содержал итальянец Бартолии, католик по вероисповеданию. Право на преподавание давал представленный университетский аттестат. Всего в заведении находилось 30 учеников.

При проверке «дети из катехизиса ответствовали нехудо, в французском языке посредственно, в немецком не многие и то в началах. Равно и российском [языке]. В арифметике [показали себя] посредственно». За обучение и содержание Бартолии получал со своих учеников «по 150 руб. в год с каждого».

Несмотря на проявленное не во всем совершенство знаний, комиссия признала, что «пансион не худой».

«9 пансион в 16-й части» принадлежал вдове мадам Экстерн, лютеранки по исповеданию. Это было, возможно, самое масштабное и дорогое учебное заведение города. Хозяйка не имела никакого требуемого для ее дела аттестата. Вместо этого она «объявила», что содержит пансион «с дозволения данного мужу ее бывшему цензору воспитательного дома».

В заведении содержалось 98 детей (60 мальчиков и 38 девочек). Согласно нормам того времени «девицы» обучались отдельно и в «особливых покоях».

В заведении преподавали: катехизис, историю, географию, геометрию, тригонометрию и фортификацию, российскую грамматику, французский и немецкий языки, а также учили переводам «с одного на другой язык». Занятия вели «по большей части действительные или бывшие учителя университетской гимназии или обучающиеся в университете студенты». Слушатели показали «во всех сих науках успехи изрядные».

Помимо качества преподавания, заведение отличал учрежденный хозяйкой «порядок во всем». Так, «дети малые и большие» были в процессе учебы «отделены» друг от друга и переводились «по мере успехов из одного в другой класс». Дом и спальни отличались чистотой, а приставленные к пансионером надзиратели и надзирательницы демонстрировали педагогические навыки («к детям показывали знание»).

При этом пансион вдовы Экстерн являлся самым дорогим заведением Москвы этого типа: за обучение и содержание брали в год «по 200 руб. и более» (!!!). Особо значительную плату вносили те, кого здесь обучали «петь и на клавикордах играть».

Комиссия, зная, что содержательница не имеет аттестата, все же решила не закрывать ее заведение. Было учтено то, что «в пансионе ея найдены успехи доволные [и] порядок изрядной». Кроме того, хозяйка представила какое-то «свидетельство, данное ей от почтенных особ», по-видимому, представителей московской аристократии, пользовавшихся услугами мадам.

Школа (10-я в списке) находилась при старой лютеранской кирхе, располагавшейся наверняка в Немецкой слободе, одном из наиболее привилегированных и урбанизированных «подгородных» районах города. Занятия здесь вел «ректор кенигсберхской церкви кантор».

Число детей не указывалось, но, помимо мальчиков, в школе были и «малолетние» девочки.

Учащиеся показали в «латинском языке и арифметике доволные успехи; в немецком посредственные, в французском и географии малые». Также им преподавались «иностранные законы своего исповедания», которые, как отмечала комиссия, немецкие дети «довольно знают, но 6 чел. российских оному ненаставлены».

Плата за обучения была дифференцирована: с «приходящих достаточных детей получают по 2 руб., с посредственных по 50 коп. на месяц <...> а с бедных ничего». При школе действовал и свой пансион, содержание в котором обходилось родителям в 100 руб. в год.

Школа (11-я в списке) действовала так же в Немецкой слободе, но при другой «новой лютеранской кирхе основанной 1649 года».

Заведение являлось достаточно значительным, так как состояла сразу «в четырех классах», где детей «обучают по латыни, географии, арифметике немецкому, французскому, языкам». Занятия вел ректор Лау с двумя помощниками.

Помимо проживающих в слободе «немцев», в школе в октябре 1785 г. учились 17 русских. У всех детей были отмечены «успехи во французском доволные, в латинском, немецком, географии, истории посредственны». Русские дети (в отличие от их ровесников иноверцев) своего закона исповедования не знали.

Проживающие в слободе платили за уроки по 120 руб. в год, но были и приходящие, что говорит о популярности школы. С них собирали «по 2 рубля на месяц».

Применительно к обеим школам, находящимся в Немецкой слободе, комиссия высказала одно и то же замечание: «Чтоб они для обучения грекороссийского исповедания также и для российского языка имели учителей экзамированных». Если таковых найти не удалось, то «б российских детей не принимали».

Подводя итоги проверки, комиссия указала, что во всех училищах был найден общий недостаток: «нужда в книгах издаваемых ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению для употребления в народных училищах Российской империи, которых книг в Москве названя деньги сыскать не можно, а ежели бы они были образ учения и лучшие успехи произойти могли».

Кроме того, прямыми последствиями ревизии частных пансионов 1785 г. стали два указа, увидевшие свет 23 января и 12 августа следующего 1786 г. Связь между их содержанием и картиной состояния учебного дела в Москве очевидна. Первый документ предписал не заводить училищ без ведома Приказа общественно призрения соответствующей губернии. Второй — открыть Главные народные училища, чем ускорить формирования государственно-муниципальной системы народного просвещения на местах [1, с. 120–121]. Также были высказаны требования: «посторонние училища и пансионы отнюдь не могут иначе допускаемы. Есть ли они преподают учение

не по правилам, изданным от Комиссию Народных училищах. Которые об них полное сведение иметь должна».

Учреждение казенных учебных заведений в Москве

7 июня 1785 г. Екатерина II предписала своим указом «в столичном городе Москве завести одно главное училище, и в каждой части города по одной народной школе». Но, как показали результаты ревизии сенаторов Александра Воронцова и Алексея Нарышкина (кстати, весьма лояльно отнесшихся к главам губернии), программа учреждения школ в «первопрестольной», по сути, провалилась. Из 20 намеченных заведений работали только 3, да и те были охарактеризованы как «имеющие токмо сие название».

Не суждено было возникнуть и Главному народному училищу. Руководители губернии пообещали создать его в следующем 1786 г., передав на организацию городского казенного образования «доходы с торговых бань; коих собирается в год 18.500 руб.»⁴

После сенаторской ревизии и внушения (правда, полуофициального) московские власти прибавили активности в деле создания системы образования.

12 августа 1786 г. императрица отправила главнокомандующему Москвы П. Д. Еропкину предписание открыть в городе народные училища. Впрочем, сделать это было затруднительно в связи с отсутствием свободных средств в Приказе общественного призрения. Содержание одной народной школы обходилось казне в среднем в 243 руб. в год. Три школы — в 728 руб. Но у властей на эти цели имелось всего 200 руб.! Недостающие 528 руб., как обычно, покрывались за счет благотворителей. Главнокомандующий извещал императрицу, что употребляет «всеусердное старание <...> изыскивая средства на содержание их (училищ. — А. Б.) без отягощения казны и без оскудения для других полезных заведений по приказу здешнего общественного Призрения». Помощь в этом деле наместник ожидал получить (и скорее всего, получил) от фаворита императрицы и государственного деятеля тайного советника П. В. Завадовского. Кроме того, фаворит предоставил главе Москвы «о сих училищах устава и штата» и, возможно, даже «учителей с книгами»⁵.

Заметную роль в учреждении школ сыграл действительный статский советник Прокофий Демидов — известный в Москве оригинал и меценат, который выступил спонсором данного проекта. Свой вклад внес еще один благотворитель — московской именной гражданин Алексей Девятков, передавший в пользу народных училищ 500 руб. и четыре половинки сукна на платья учащихся. Тогда же был «определен» и директор будущего Главного народного училища — член Московского губернского правления коллежский советник Миславский⁶.

Главное народное училище [2, с. 153], которое в документах чаще именуется как «Главное училище», официально было учреждено в Москве в 1785 г. Торжественное его открытие состоялось 22 сентября 1786 г. В 1787 г. здесь получали образование 240 человек⁷.

За неимением подходящего казенного здания, власти нанимали под занятия частные помещения «с платежом в год 1.500 руб.». К августу 1788 г. сумму удалось снизить до 1.000. Однако это не снимало острой необходимости заведения для сооружения специального постоянного здания.

⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 577. Л. 17.

⁵ РГАДА. Ф. 16. Д. 578. Часть I. Л. 240–242.

⁶ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 577. Л. 204 об.

⁷ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 579. Л. 4 об.

В 1787 г. в Москве значилось уже 6 малых училищ и 280 «питомцев» в них. Получаемая плата (по 200 руб. в год) шла в доходы Приказа общественного призрения. Непременными предметами являлись арифметика, Закон Божий и грамота⁸.

Таким образом, дело удалось сдвинуть с мертвой точки, но до воплощения в жизнь всего комплекса учебных заведений было еще далеко. Кроме того, это требовало значительных затрат. При подсчетах стоимости власти Москвы пришли к следующим выводам.

Главное народное училище (1 на весь город) будет ежегодного обходиться казне в 14 328 руб. Причем в эту сумму не входило жалование директора (еще 600 руб.), надзирателя и учителя латинского и греческого языков (по 400 руб.), учителя немецкого (300 руб.). Таким образом, стоимость содержания данного учебного заведения должна была составить приблизительно 15 628 руб. в год⁹.

Каждая народная школа на тот момент требовала выделения из бюджета еще по 440 руб. ежегодно. Сюда входили средства «на содержание дому, на книги, бумагу, карандаши и прочего 180 руб., жалования учителю русского языка, учителю Закона Божия, учителю арифметики и каждому по 60 руб., учителю рисования 80 руб.»

По разделении Москвы на 20 полицейских частей в каждой «необходимо нужно» было завести по одной школе. Таким образом, расходы на всю систему образования в Москве требовали выделения в год (причем без учета всех расходов) 24 428 руб.

Кроме того, большую трудность представлял вопрос зданий. Для Главного училища одно время предлагалось отдать бывший дом князя Голицына на Сретенке, в котором до того безуспешно намеревались устроить почтамт. После «поправки и перестройки» дома (на что необходимо было выделить не менее 30 000 руб.) он становился «весьма выгоден по его пространству для такого заведения». В противном случае пришлось бы специально возводить новое сооружение, которое, по оценке чиновников, «многим больше стоить будет».

Для народных школ, учреждаемых в каждой части города по одной, требовалось найти сразу 20 зданий. Так как изыскать их сразу и в короткий срок было абсолютно невозможно, главнокомандующий Москвы Я. А. Брюс предложил осуществить «занятие» под них «имеющиеся в частях города богадельни», тем более что 3 из них вообще не требовали «поправки», а на «исправление» еще 17 по подготовленной смете требовалось затратить 18 914 руб. 90 коп.

Кроме того, для новых школ необходимо заранее создать библиотеки и закупить наглядные пособия (сферы, географические карты, математические инструменты), на что власти должны были изыскать еще до 3 000 руб. Особой графой расходов выступало и учреждение типографии (единовременно 4 000 руб.), которая впоследствии сможет сама окупать свое функционирование.

Таким образом, на создание всего образовательного комплекса Москвы требовалось выделить сразу же не менее 55 914 руб. 90 коп. Еще 24 428 руб. необходимо было на поддержание ее работы в течение одного года. Итого властям нужно было изыскать 80 342 руб. 90 коп.

Устроенное еще 22 сентября 1787 г. Главное народное училище к августу 1788 г. все еще не имело собственного здания. Его даже не выделили, но что императрица особо указывала своему наместнику и велела поторопить дело. Ситуация с казенными домами в Москве была очень тяжелой. Помещений не хватало, а те, что имелись,

⁸ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 576. Л. 272.

⁹ Там же. Л. 270–272 об.

практически всегда нуждались в серьезном ремонте. Однако в связи с переводом общегосударственных ведомств в новый корпус в Кремле возникла и возможность найти помещения для Главного училища. В итоге под него отдали стоящий в Китай-городе у Варварских ворот дом, «где прежде была Юстиц-коллегия с Судным приказом», выехавшая в новые помещения. Здание стояло пустым, но требовало ремонта на сумму в 28 020 руб. 94 коп. На документе стоит отметка о решении этого дела особым указом.

В 1791 г. Главное народное училище уже разместилось в бывших присутственных местах «между Ильинскими и Варварскими воротами», где ему были пожалованы «часть каменного и часть деревянного строения». Правда, по соседству в том же каменном сооружении продолжал работать департамент бывшей Ревизион-коллегии. Кроме того, оставались незанятые покои, свободные от службы, так как венчались они «ветхими и худыми потолками, которые угрожают падением». Впрочем, чрезвычайно ветхой была кровля всего здания, из-за чего главнокомандующий искал ему замену. В качестве помощи митрополит Платон предложил пожаловать часть келий упраздненной Знаменского обители¹⁰.

Императрица не одобрила идеи перевода в новый дом и распорядилась оставить училище там же, но приказала передать Приказу общественного призрения распоряжение исправить его «из своих доходов для помещения Училища»¹¹.

3 ноября 1788 г. императрица потребовала от П. Д. Еропкина объяснить природу неудачи. Согласно его записке, отправленной вскоре императрице, первой «причиною малого успеха в заведении помянутых школ» были ограниченные финансовые возможности Приказа общественного призрения.

Екатерина II, ознакомившись с анализом ситуации, сделанным ее наместником, распорядилась 1 декабря 1788 г. «не допуская быть таким пансионам, которые учение преподают не по правилам от Комиссии изданным», а также ускорить работы «о устройении по всем частям здешней столицы и по всем городам Московской губернии народных школ». В итоге П. Д. Еропкин к 11 декабря (спустя всего-навсего 6 дней после получения высочайшего распоряжения) отчитался об открытии сразу семи школ: три — в Москве и по одной — в Рузе, Воскресенске, Звенигороде и Бронницах. В марте 1790 г. губернатор П. В. Лопухин в письме к государыне отмечал: «мною вновь устроена богадельня и все школы, как в Москве, так и по городам»¹². Таким образом, не позднее чем к 1790 г. городские школы заработали в Москве и по всем городам губернии. На 1 января 1790 г. «в Главной и малых школах» Москвы обучалось до 1000 человек.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Зябловский Е. Ф.* Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии, с предварительными понятиями о статистике и Европе вообще в статистическом виде, сочиненное экстраординарным профессором Евдокимом Зябловским. СПб.: Тип. Императорской АН, 1808. Ч. 1–3. Кн. 1. С. 120–121.
- 2 *Малиновский А. Ф.* Обзорение Москвы. М.: Московский рабочий, 1992. 296 с.
- 3 Полн. собр. законов Российской империи. СПб.: Тип. II отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. Собр. первое (ПСЗ-1). Т. XXII. № 16275. С. 464–465.

¹⁰ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 582. Ч. II. Л. 196.

¹¹ Там же. Л. 196 об.

¹² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 580. Л. 3 об.

© 2019. Aleksei V. Belov
Moscow, Russia

**AT THE ORIGINS
OF PUBLIC EDUCATION SYSTEM IN MOSCOW
IN THE REIGN OF CATHERINE II:
PRIVATE AND STATE EDUCATIONAL INSTITUTIONS**

Abstract: In the second half of the 18th century Catherine II's government undertook urban renewal reform, during which cities acquired new features enabling them to properly execute its functions. Establishing of public education system was believed to be one of the key aspects of the project and an obligatory part of city infrastructure. Regional authorities, first of all, the governor general, were in charge of its implementation. They relied upon local self-government bodies, merchant's corporation as well as the aid of the state. Moscow — big and densely populated city represented a major challenge for its implementation. Here the introducing of an education system met with constant slowdown which caused discontent of the empress Catherine II who demanded explanation of the events. Thanks to the correspondence preserved in archive we can trace the process of establishing education system in the city at early stages of reform. Conducted inspection showed general conditions of education authorities including private educational institutions which provided a real competition to “state” schools. Reports contain detailed information on training programs, about the state of infrastructure and search of sources for financing of educational reform. The lack of sufficient amount of buildings was one of the main problems preventing spreading of schools. And, what is more, buildings suitable for pupils' accommodation. Materials of correspondence give us an idea about methods by which the authorities solved problems of schools establishment, financing sources, as well as about number of pupils in the city of Moscow and availability of schools in the cities of the Moscow province.

Keywords: education, national education, Russian city, Catherine II, schools, boards, gymnasiums, reform of the city, city culture.

Information about author: Aleksei V. Belov — PhD in History, Associate Professor, Institute of the Russian History of the Russian Academy of Sciences (IRI RAN), D. Ul'ianov St. 19, 117136 Moscow, Russia. E-mail: belovavhist@mail.ru

Received: February 08, 2018

Date of publication: March 28, 2019

For citation: Belov A. V. At the origins of public education system in Moscow in the reign of Catherine II: private and state educational institutions. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 51, pp. 25–35. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Zyablovsky E. F. *Statisticheskoe opisanie Rossiiskoi imperii v nyneshnem ee sostoianii, s predvaritel'nymi poniatiiami o statistike i Evrope voobshche v statisticheskom vide, sochinennoe ekstraordinarnym professorom Evdokimom Ziablovskii* [The statistical description of the Russian Empire in its present state, with preliminary concepts about statistics and Europe in general in a statistical perspective, composed by extraordinary

- professor Evdokim Zyablovsky]. St. Petersburg, Tipografia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1808. Part 1–3. Book 1, pp. 120–121. (In Russian)
- 2 Malinovsky A. F. *Obozrenie Moskvy* [Moscow Review]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1992. 296 p. (In Russian)
- 3 *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, Tipografia II otdeleniia Sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kantseliarii Publ., 1830, Sobranie pervoe (PSZ-I) [The first assembly (PSZ-I)], vol. XXII, no 16275, pp. 464–465. (In Russian)